

An oil painting depicting a person standing on a rugged, rocky cliff overlooking a vast, blue sea. The person, seen from behind, is wearing a light-colored shirt and dark shorts. The cliff is composed of layered, textured rock formations in shades of brown, tan, and grey. The sea is a deep blue with white-capped waves breaking against the shore. In the distance, a small white sailboat is visible on the horizon. The sky is a pale, hazy blue with some light, wispy clouds. The overall style is impressionistic, with visible brushstrokes and a focus on light and color.

АЛЕКСАНДР КОТЮСОВ

**ГНЕЗДОВЬЕ
БАКЛАНОВ, ИЛИ
У КАЖДОГО СВОЕ
САРГАССОВО МОРЕ**

Александр Котюсов

**Гнездовье бакланов, или У
каждого свое Саргассово море**

«Издательские решения»

Котюсов А.

Гнездовые бакланов, или У каждого свое Саргассово море /
А. Котюсов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831674-6

Присоединение Литвы к Советскому Союзу. Массовые убийства литовских евреев в Каунасе, Вильнюсе, других городах республики. Великая Отечественная Война. И, конечно же, любовь.

ISBN 978-5-44-831674-6

© Котюсов А.
© Издательские решения

Гнездовье бакланов, или У каждого свое Саргассово море

Александр Котюсов

© Александр Котюсов, 2017

ISBN 978-5-4483-1674-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Так в эту дверь еще не стучали. Громко, властно, без малейшей скидки на позднее время суток. Бах, бах. Потом еще раз: бах, бах, а потом уже без остановки, так, что дверь того гляди с петель слетит. Два пятнадцать ночи! То ли кулаком, то ли сапогом, то ли прикладом, а скорее всего и тем, и другим, и третьим одновременно. Отворяйте, иначе дверь вышибем! – шумели на лестнице.

Хозяин квартиры поднялся с кровати, включил свет, накинул на плечи халат и пошел открывать. Дверь, немного скрипнув – уж год как смазать просится, все некогда, то лекции, то студенты, то работы научные, диссертация опять же, а там же масло специальное, не растительным ведь, подумалось в который раз, – впустила в коридор четверых вооруженных мужчин.

– Вам кого?

– Скушинскасы?

Кивнул утвердительно.

– Значит вас!

Ответили на литовском; тот, что первым вошел – грубо, резко, как ладонью по столу, так что вздрогнуло внутри все. Местный, видно сразу, без акцента. Черные волосы, кудрявые, хмурый взгляд, лет тридцать. Остальные молчали, винтовки на плечах: мол, если что не так... Стрижки короткие, взор хмурый, уставшие, лица серые, одинаковые, безликие, встретишь где – не узнаешь, хоть наизусть учи.

Первый предъявил документы. Под тусклой лампой мелькнуло – Гинзбург. Арон. Начальник управления... что там... безопасности... по каким-то делам... каким? Ясно, что с полномочиями. Такие не ходят без полномочий. Особенно по ночам.

– Собирайтесь, – приказал человек с полномочиями. – Два часа у вас. Дольше ждать не будем, не положено.

Как – собираться? Куда? Зачем? За что, главное? Ночь на дворе. Много вопросов, спроsonья и не сообразишь. А что в ответ? Через губу ответ, с неохотой. Переселение, объяснил военный. Переселение. Новое слово. Хотя где-то слышано уже. Переселение, словно выдохнул Гинзбург, не вы одни. Решение. Наверху принято. Сотни, сотни семей, а то и тысячи.

– За что? – спросила хозяйка, Алдуте, жена Казиса. Из-за полуоткрытой двери. Тоже вскочила, на плечах пуховый платок, зачем, не зима же, июнь, тепло на дворе.

Военный пожал плечами: мы люди служивые, знать не обязаны. Есть приказ. Не вы одни. Много семей, много.

Будто легче всем с того, что много.

– За что? – еще раз спросила она. – За что?

Добилась своего. Ответил. Неохотно, но четко.

– Вы – враги народа, – прокатилось по квартире, по коридору, ушло куда-то в зал, там отразилось от зеркального трюмо и затихло на кухне.

Тихо-тихо стало. Только в углу где-то заскреблась мышь. Так и не вывели, покачала Алдуте головой, а сколько травили, соседка вон дала яд, враз выведешь, обещала, а все нипочем.

– Враги? Какие враги? Какого народа? – спохватился Казис.

– Советского, – был ответ.

– Что мы сделали? – совсем было завелась Алдута и осеклась на полуслове, посмотрев в пустые глаза, поняла вдруг, что спорить смысла нет, доказывать. Кому доказывать? Этим?.. И все же! А вдруг? И зачастила: – Я – преподаватель математики в школе, мой муж тоже преподаватель. Историю Литвы преподает, в университете. Очень хороший преподаватель, его любят студенты, он прекрасный рассказчик, автор многих книг. Знает все про нашу страну. Все-все. Вот диссертацию докторскую написал, скоро защита. Наверное, осенью уже...

– Осенью, – повторил за ней военный. – Осенью... – нахмурился, и на лоб резко набежали морщины. – Осенью и вы, и ваш муж уже и думать забудете про докторскую. И про историю. Могу поручиться. Потому что ее нет, вашей буржуазной истории! И буржуазной Литвы больше нет и не будет. Понятно? Есть Литовская Советская Социалистическая Республика. Советская и социалистическая. Литва уже год как добровольно присоединилась к Советскому Союзу. Подчеркиваю: добровольно. И всей вашей истории место на помойке. Вместе со специалистами. Чтобы не вредили, ясно? Не занимались своей вражеской деятельностью, особенно среди молодежи.

Пока произносил свою речь, в руках появилась бумага с печатями. Вынул откуда-то и помахал перед лицом Казиса.

– Вот. Прочитайте и подпишите. Впрочем, можете и не подписывать. Это ничего не изменит.

Произнес так, будто эти слова говорил уже много раз и еще много раз скажет. Без выражения. Потом неожиданно ухмыльнулся и, видя растерянный взгляд, словно в издевку, медленно, выговаривая каждое слово, зачитал казенный текст, из которого в сознание Казиса врезалось только: «пожизненно» и «дальние районы Сибири». Дал посмотреть бумагу и забрал обратно. Да, так и было: «пожизненно».

Казис стоял посреди прихожей, ни вправо, ни влево. Слово и не живой. Алдута закрыла лицо руками. Боже мой. Не верила. Не могла поверить.

– Время теряете только, – бросил беглый взгляд на левую руку военный. Старые часы на кожаном ремешке. Приложил к уху, встряхнул – идут, все в порядке. Потом прошел в сапогах в зал, не вытерев ноги, пошарил по стене рукой, щелкнул выключателем – зажегся свет, уселся на диван, вальяжно, нога на ногу, и оттуда уже, из зала, совсем по-домашнему: – Я бы на вашем месте не разговаривал, а собирался. Два часа у вас. Пятьдесят килограммов на семью.

Ну, а надеть на себя можете все, что угодно. Совет дам, по дружбе, – ухмыльнулся снова, – хотя какие вы друзья! Берите с собой только самое необходимое – деньги, документы, одежду, теплую одежду, сапоги, валенки, если есть.

– Сейчас же лето, – удивился Казис, пройдя за ним, – июнь на дворе, плюс двадцать.

– Там будет холодно, – прозвучал ответ. – Особенно зимой. Минус пятьдесят. Паланга покажется Африкой.

– Сибирь?! – еще раз проверил Казис. Каким далеким казалось это слово. Что-то огромное, белое, неизведанное, в десятки раз больше его маленькой Литвы.

– Сибирь. – Военный кивнул и как-то устало совсем добавил: – Там всегда холодно, даже летом. Да и лета там нет. Осень, зима и немного весны. Особенно за Полярным кругом. – Гинзбург поежился, словно представил себя там на миг. – Вечная мерзлота. Снег, полярная ночь.

– Что случилось? – послышался голос дочери. Данута вышла из своей комнаты. Ночная рубашка до пят, волосы рассыпались, выбились из косы, заплетала мама на ночь, заспанные глаза, в руках плюшевый зайчик. Увидела солдат с винтовками, не испугалась, спросила: – Мы уезжаем, мама? Это война? Нас эвакуируют?

Алдуте подошла к ней, прижала крепко. Хотела промолчать, какая ж это эвакуация. Нет никакой войны. Может, будет скоро, может, нет. В Европе война, до нас не дошла еще. Не смогла сказать дочери правду. Кивнула в ответ: война, проживем недолго в Сибири, это чтобы фашисты нас не убили. А как закончится – все, сразу домой.

– Иди в свою комнату, переодевайся, я сейчас.

Дочь заулыбалась, ребенок еще, хоть и десять лет, легко обмануть.

– Я могу взять с собой зайчика? – и показала его военным: – Вот! Ему же без нас тут одному будет страшно. – Алдуте отвернулась, не хотела, чтобы дочь видела ее состояние. Конечно, можешь, дочка, конечно.

– Два часа. Ровно два часа, – напомнил Гинзбург. – Нам еще нужно по двум адресам. Всех должны забрать до утра. В восемь поезд. У нас все расписано. Лишнего ждать не будем. В четыре двадцать выезжаем, – и посмотрел на часы. – Возьмите еду, ехать долго, на неделю возьмите, не пожалеете. Я разрешу вам сверх пятидесяти килограмм.

– Еды? На целую неделю?!

– Да.

– Что можно взять?

– Хлеб, сало. Сухари. Не сушили, небось? Понятно. Сахар, соль, чай. Крупы возьмите, картошки... Неважно. Любой еды. И скажите спасибо, что я с вами разговариваю. Они бы не разговаривали, – махнул рукой в сторону трех других с винтовками – те так и стояли, не шелохнувшись, в дверях, не издав ни звука, – и зачем-то добавил: – Они из Смоленска. Прислали. – И потом:

– В дороге могут и не кормить.

– Совсем? – удивилась Алдуте.

– Ну, не знаю. На всех может не хватить. Гарантирую только кипяток на станции. Ну, может быть, что-то будет. Каша. Хлеб. Разве это еда? Впрочем, – замялся, – еда, нормальная еда.

Хлеб... Да, хлеб. Еда? А то как же!

Алдуте вдруг вспомнила. Совсем же недавно это было. Год назад, в июне сорокового. Она тогда проснулась от шума, врывавшегося вместе с запахом начинающей зреть вишни в полуоткрытое окно с улицы. У мамы она гостила, в небольшом литовском поселке, деревеньке, считай, километров двадцать от Каунаса, в доме, где родилась сама, где прошло все ее детство, где бегала она по чистым мощеным узким улочкам с ребятами, где пошла в школу, впервые, по-детски еще, влюбилась в одноклассника – голубоглазого Римантаса, ничего серьезного, просто гуляли, держась за руки, он один-то раз всего сделал попытку поцеловать ее, но она отвела губы: рано, вот закончим школу. А потом... потом поменялось все в жизни, уехала из поселка в город, учиться дальше, создавать семью, растить детей. Встретила Казиса, вышла замуж, родила Дануте и Альгирдаса.

Шум не смолкал, заглушал собой пение птиц, в это время года поют они круглые сутки. Она накинула на плечи халат и выглянула в окно. Во дворе прямо на траве сидели солдаты. Русские! Усталые лица, взъерошенные волосы, сапоги в пыли. О том, что Литва вошла в состав СССР, уже несколько дней говорили по радио. Относились по-разному. Кое-кто даже уехал – те, кому было куда уезжать. В Польшу к родственникам. В Канаду. Некоторые даже в Америку. Скушинскасы уезжать не стали. Да и куда? Русские добрые, сказал Казис, я знаю, они защитят нас от фашистов. Правда, уже тогда ходили слухи про переселение. Скушинскасы не верили. Как можно в такое верить? Если кого-то и выселят, то только нехороших людей. Мы же хорошие? – спросила тогда Дануте, услышав разговор родителей. – Хорошие, дочка, хорошие, – потрепал ее по голове Казис.

Были, конечно, и те, кто воспринял вступление Литвы в СССР с радостью и надеждой. Прежде всего местные евреи. В Литве жило их много, испокон веков находили они себе здесь

приют, особенно в Вильнюсе и Каунасе. Скушинскасы и квартиру когда-то снимали у одного из них. Кого, как не русских, им было ждать – немцы бы всех их поубивали.

Солдаты расположились на привал. Одни, подложив себе под голову свернутую шинель, дремали, другие, прислонившись спиной к плетню, смотрели по сторонам. У сарая молодой, рыжий совсем, парень читал письмо, шевеля губами. Двое натирали здесь же, во дворе, сорванными пучками травы музыкальные инструменты – медные трубы. По двору скакали десятки солнечных зайчиков. Один из них скользнул по ее глазам. Она зажмурилась: наверное, в Каунасе они собираются входить с музыкой. На лавочке сидел ее отец Юргис. Старый, мудрый, уверенный в себе. Он молча смотрел на солдат, и губы его что-то шептали. Рядом стояла мать. Теребила платок. Нервничала. Внезапно вдалеке заиграл марш – окончен привал, тра-та-та-та-та, пора в дорогу, из соседних дворов стали выбегать солдаты, отряхивая с себя пыль, прилипшие соломинки и клацая желтыми пряжками ремней. Военные в их дворе тоже начали собираться. Вот офицер, с погонами, видно, командир, торопясь и в то же время с какой-то неловкой застенчивостью, подошел к Юргису и заговорил.

– Отец, – донеслось до нее сквозь приоткрытое окно, – может, найдешь нам немного хлеба? – И после секундной паузы, чуть тише: – Есть, понимаешь, хочется, нас со вчерашнего дня не кормили, обоз с продуктами застрял где-то...

Слово «хлеб» он произнес как-то особенно, словно с уважением.

Юргис повернулся к жене:

– Быстро буханку неси, а если есть больше, так и больше тащи, купим потом... и сала, возьми там из погреба сала. Не жалея. Свои ведь. Наши ребятки...

В их семье знали русский. Отец несколько лет работал в Белоруссии, что-то строил. На русском там говорили практически все. Пришлось выучить. Мать появилась через минуту. Принесла хлеб. И сало принесла. Все, как отец сказал. В белой, чистой, много раз стиранной, но чистой тряпице. Солдаты уже стояли за изгородью, ждали командира. Военный понюхал хлеб, поцеловал его и сложил все в рюкзак, потом неожиданно поклонился матери и перекрестился.

– У вас же нет Бога, вы ведь советские, – поднялся с лавки отец удивленно, – зачем ты крестишься?

– Нет, – услышала Алдуте, голос военного заглушал стройный шаг солдат, раз-два, раз-два, песню за-пе-вай, они удалялись от их дома, оставляя за собой облака пыли, – Бога нет. Зато есть товарищ Сталин. Он нам и бог, и отец родной.

Хлеб, военный марш, Сталин...

– Вы действительно местный? – спросил Казис. – Как вы так вот можете?

Гинзбург нахмурил брови. Но успокоился быстро, сразу почти, самообладания не занимать. Опыт.

– Да, – ответил он, – я здесь родился, мои предки жили в Литве сотни лет, ходили в синагогу, жена – литовка, ее родители тоже отсюда, мы все здесь местные, коренные. – Потом снова взглянул на часы, прищурился на мгновение и произнес жестко: – Хватит. Собирайтесь. Время пошло. – И вдруг, словно спохватившись, суетливо поднес к глазам бумагу и начал вчитываться, щурясь от плохого света. – Четверо. Вас же четверо. Где ваш сын? Здесь написано – Альгирдас Скушинскас. Спит? Да вы что! Какое там спит. Будите быстрее! Немедленно!

В восемь часов утра крытый грузовик привез три семьи переселенцев на железнодорожный вокзал. Растерянная Дануте никак не могла взять в толк, зачем родители заставили ее напаять на себя жаркую шубу, когда кругом лето. В суете забыла про зайчика, вспомнила только по дороге, как же он там, бедненький? Зато как он нас встретит! – улыбнулась Алдуте. – С ума сойдет от радости.

Машина остановилась немного сбоку, не у центрального входа.

– Выходите, – военный передернул затвор на винтовке. Голос как металл – холодный, чужой. Словно хотел показать кому-то главному – преступники доставлены, все без происшествий, вот как я выполняю ваши приказы.

Мужчины выпрыгнули первыми. Женщины потом, вначале передав детей и вещи.

– Не балуйте тут, – громко сказал Гинзбург, – побежите – буду стрелять. У меня приказ... без предупреждения, сразу говорю.

Куда бежать, подумала Алдуте. Куда? Их построили возле грузовика. Военный зачитал фамилии. Все на месте? – спросил. Кто-то кивнул, кто-то ответил. Остальные молчали. Все? Все! Мужчины направо, прозвучало приказом. Казиса оттолкнули в сторону прикладом, туда же еще троих, двух отцов и одного взрослого сына. Сильный, высокий, уже за двадцать, наверное. Алдуте крепко схватила за руки детей. Альгирдасу восемь лет, Дануте – десять. Не отпущу...

Альгирдас заплакал:

– Хочу к папе.

– За мной, – жестко приказал ей военный, – взяли вещи и вон к тому поезду, еще раз предупреждаю: не баловать, стреляю без предупреждения.

– А Казис? – вскрикнула Алдуте. – А муж? Разве он не с нами? Разве не вместе? Как мы без мужа, без отца? Вы что, нас разделяете?

– Не с вами. – Гинзбург отвернулся. Не сказал сразу, скрыл, а ведь знал, все с самого начала знал, ну как же так, мы же семья. Неужто не стыдно?

– У него статья серьезная. Ему не положено. У них, – он махнул в сторону четырех мужчин, – у всех статьи. Они против Советской власти. Их в лагеря. Вас нет. Он – враг! Вы – семьи врагов. Для вас другая статья, мягче. Радуйтесь. Вас просто на переселение. Вы с мужем будете жить в разных местах. Так надо. Пошли. – Он встал между Алдуте и Казисом. – Пошли! Кому говорю. – И выругался громко, зло, на русском.

– Фашисты, – отчетливо вдруг произнес Казис. На вокзале стало нестерпимо тихо. Как тогда в доме. Или только так показалось – да нет – вон, слышно, как бьется сердце, быстро-быстро, не в такт, готово на части хоть сейчас. – Нет, вы хуже фашистов, вы – свиньи. Вам все равно, вы нагадите и уйдете. А мы долго будем отмывать нашу Родину от вас, от вашей грязи, от ваших сапог. Жалко только, что вы не будете знать об этом. Но это уже не важно. Об этом узнают ваши дети, твои дети, – Казис уверенно и жестко посмотрел на Арона, того аж передернуло. – Может быть, ваши дети проклянут вас, может быть. Мы спасем Литву, потому что мы ее любим и хотим ей счастья. – Сказал все, все, что думал. Наболело. Не вчера наболело, за год... за год, как пришли. И еще раз громко произнес: – Свиньи. – Произнес четко, на русском, без ненависти произнес. Так хотел.

Услышали. Не глухие. Ответили без промедления. Власть же в руках.

А значит, что ее в карманах держать? Сразу, резко, у всех на виду, показательно, с каждым так будет – ннн-а – Гинзбург размахнулся от плеча и ударил Казиса в подбородок. Сильно ударил. Словно и у него наболело. Какой же он, Арон, захватчик, дед похоронен здесь с бабкой, родители. И дед деда здесь похоронен. Дома жена, тоже местная, коренная литовка. На сносях. Вот-вот родит. Мальчика ждет. Повитухи знакомые нагадали, что мальчика. А он о девочке мечтал всю жизнь. Вот так вот необычно, отцы всегда хотят мальчиков. Из губы Казиса брызнула кровь. Удержался на ногах, сплюнул на землю красным. Кто ответит? Никто, некому отвечать. У кого власть, у того и сила. Ружья затвором щелкнули, взяли Казиса на прицел три пары глаз, мало ли, вдруг... Смоленские... Они разговаривать не будут, вспомнилось. Серые лица, серые глаза. Ну и пусть молчат, Казису не о чем тоже с ними говорить.

– Папа... – Альгирдас уткнулся матери в живот. Та прижала его крепко, ничего, сынок, помни все это, вырастишь – отомстишь. Живым бы вернуться на родину. Вернуться. Когда? Куда? В какую страну? Будет ли страна? Доживем ли? Будет ли куда возвращаться?

Будет, сказала себе, вернемся, не мы, так дети наши. Не дети, так внуки. Все равно вернемся. Надо верить только. На то она и родина.

Началось все с того, что мне позвонила Слава. Именно так, с большой буквы.

Мы сидим в ресторане. Разговариваем. Вообще-то планировалось интервью. Слава – журналистка.

– Здесь хороший дизайн, – произносит она, – кто его делал? Кто-то из наших? Или наняли столичных?

Наши. Мы мучились с этими нашими целых полгода. Ресторан был построен десять лет назад. Тогда он удивительно удачно вписался в городскую карту общественного питания. Модный, стильный, сразу привлек внимание. В него начали ходить. Сразу и много. Днем здесь сидели мужчины в строгих костюмах из соседних офисов и что-то объясняли своим партнерам, тыкая пальцем в открытые ноутбуки, раскладывая на столе между тарелок и стаканов деловые бумаги. Вечером зал наполняли девушки с томными глазами. Мужчины меняли костюмы на что-нибудь casual и подсаживались к девушкам. Иногда забежали бородатые кавказцы в красных мокалинах и с колкими глазами. Персонал сразу напряглся.

Мы радовались жизни, считали выручку и надеялись, что так будет вечно. Вечность завершилась в прошлом году неожиданным убытком. Мода переменчива. Когда вы десять лет носите один костюм, вдруг оказывается, что пиджак протерся на локтях, а брюки лоснятся на самом мягком месте. Ресторан вдруг резко постарел, осунулся и загрустил. Девушки с томными глазами встали и одна за другой перешли на соседнюю улицу. Там открылось новое заведение. Модное, стильное и красивое. Почти как когда-то наше. Мужчины закрыли свои ноутбуки, сложили в кейсы бумаги и ушли вслед за девушками. Кавказцы потянулись следом. Мы поняли – нам пора меняться. Наняли дизайнеров, утвердили проект и закрылись на ремонт.

– Наши, – отвечаю я. – Они вынесли нам весь мозг. Достоинство хорошего дизайнера в том, что он должен бежать на шаг впереди существующей моды. Он должен много ездить, видеть, читать. Он должен быть в теме. У нас в городе таких дизайнеров почти нет. Все смотрят заказчикам в рот, пытаются уловить их желания. Это неправильно. Поэтому мы поступили просто. Выбрали в Москве три ресторана, отправили туда наших умельцев, попросили сделать микс, реплику, аналог. Что-то получилось, что-то нет. Нехорошо, конечно копировать, но ведь и в Москве часто открываются заведения, как две капли воды похожие на венские, берлинские, миланские.

Стиль – лофт. На потолке серая штукатурка, часть окон в металлической решетке, часть в мозаике, приглушенный свет. Высокие столы. На окнах гипсовые бюсты.

– Это Евклид! – вспоминает Слава. – Я помню. Я видела его портрет в учебнике. Почему Евклид?

Я улыбаюсь.

– Не ищите ответа там, где его нет. Видите, – показываю я рукой, – это Венера. А это – Геракл. А это Гераклит. Их вылепил дядя Сеня. Точнее, не вылепил, а вылил. Дядя Сеня – алкоголик. Сорок лет назад он закончил художественное училище по специальности «скульптура». Может быть, специальность называлась по-другому, но смысл примерно такой. Хотел стать Шемякиным. Или Микеланджело. Но не получилось. Остался дядей Сеней. Сделал пару десятков форм. Бюсты, маски. Зальет гипс внутрь, вынет, просушит, сдаст в магазин. Получит деньги, уйдет в запой. Из запоя выйдет, снова гипс заливать принимается. Что вот это – искусство?

Слава пожимает плечами.

– Вот и я не знаю. Знаю только, что поймал его между запоями. В месяц дядя Сеня продавал один бюст. Мы взяли у него сразу десять и поставили их на окна. Красиво и необычно. И, кстати, недорого. Всем понравилось. Гости приходят, начинают гадать, а это кто, а это.... Дядя

Сеня такого массового заказа не вынес. У него, говорят, самый длительный запой после был. Три недели. Жена тогда позвонила, попросила больше ничего у него не покупать. Забудьте, говорит, его телефон. Он – художник, а не ремесленник.

Берет в руки меню, раскрывает, вчитывается. И вдруг:

– Спасибо за цветы.

Хотела посмотреть мне в глаза, но взгляд, коснувшись моего уха, уплыл куда-то в зал.

– Какие?

– Розы. Желтые розы. Не тюльпаны, как у Королёвой. А розы. Только не говорите, что не ваши.

– Мои, – соглашаюсь я.

И улыбаюсь уже про себя – вспомнил краба. Даже не краба, а как она стояла тогда возле аквариума, долго гладила прохладное стекло рукой, стучала по нему пальцем, словно ребенок, играя, а потом, когда краб неожиданно резко выплеснул свою клешню через край, взобравшись на соседа, отпрянула в испуге, но засмеялась, повернулась, как школьница, на каблуках и увидела меня.

Я сидел в зале и смотрел на нее.

Это был ее день рождения. Так мне сказал официант. А почему одна? Пожал плечами. В общем, того самого краба она и заказала. Огромного камчатского. Их брали редко. Один-два раза в месяц. Краб был дорог. Я несколько раз даже хотел перестать их закупать. Это было всегда непросто. С Дальнего Востока в Москву, оттуда на машине (с персональным водителем, шутили повара), в специальном боксе с требуемой температурой. Крабы приезжали сонные, долго лежали в аквариуме, будто раздумывая, стоит ли просыпаться, чтобы быть съеденными через пару недель, а то и завтра, гурманом с туго набитым кошельком. Некоторые не просыпались. Я ругался с поставщиками, писал рекламации, звонил, говорил, чтобы забирали обратно. Поставщики тоже ругались со мной, объясняли, что краб в момент отгрузки был жив, они, наученные горьким опытом, теперь снимают их на видео, это может подтвердить водитель, и, видимо, надо спрашивать с него, почему он ехал пятнадцать часов вместо пяти, – а я понимал, что, возможно, поставщик и прав и что водитель, устав после дороги, приехал домой, решил вздремнуть вместо того чтобы отвезти это членистоногое сразу в ресторан, и уснул. А вслед за водителем уснул и краб, только первый в теплой кровати, обнявшись с женой, а второй в салоне подержанной газели. И эти бесконечные разборки, кто виноват, а кто прав, мне уже надоели, и я решил, что, может быть, к черту этих крабов, тем более их никто почти не ест, только наш мэр и еще пара местных нуворишей, да разве изредка заходящие столичные гости, начитавшиеся TripAdvisor. И вот неожиданно еще и Слава. Пришла и заказала.

Официант тогда шепотом добавил мне: она здесь впервые, боится, что не хватит денег, на карточке всего тридцать тысяч. Краб в среднем тянет на двадцать пять, да еще вино. Я достал бумажник и попросил официанта заказать цветы. Раз у нее день рождения. Желтые розы. Как думаешь, сколько ей? Не думаю, ответил он, знаю. Она сказала – двадцать четыре.

– Только не говори, что от меня, – доверительно понизил я голос.

– Не буду.

Мы не были знакомы. В том смысле, что нас никто друг другу не представлял. Журналистка по профессии, ведущая на одной из местных радиостанций города. Моложе меня почти в два раза. В машине я всегда слушал эту волну. Ресторанный критик по призванию. Я узнал ее сразу. Последнее время все чаще и чаще наткнулся на ее посты в социальных сетях, видел иногда по телевизору. Писать она начала не так давно, но сразу как-то ярко, словно всю жизнь этим занималась. Интересно, сочно, взросло. И главное – честно. Ее заметили. Собственники ресторанов, директора, повара. Одни стали уважать. Другие бояться. Она приходила в ресторан, скромно садилась куда-нибудь в угол, брала меню, заказывала и начинала есть. Сидела часа полтора-два, изредка наговаривая что-то не слышное никому на диктофон. Со стороны

могло показаться, что она разговаривает сама с собой. Ведь не с едой же? Хотя кто ее знает? Может, и правда, хвалила стейки за правильную степень прожарки, интересовалась у мине-строне, разве можно добавлять в него рыбу, спрашивала у бакинских помидоров, точно ли они из Азербайджана, а не завезли ли их под видом черри из Италии? Улыбалась официантам и кокетничала с гардеробщиком. Персонал до поры до времени не знал ее в лицо. Высокая, стройная, с золотыми волосами, словно не здешняя, всегда одна. К ней подходили, пыталисьзнакомиться. Она вежливо отказывалась. С улыбкой, но так, что у знакомящегося не возникало и мысли, что можно настоять на своем. После каждого такого посещения она публиковала на своем сайте статью. Раз в неделю. Иногда чаще, иногда реже. «О еде честно». Делала ссылки на нее в социальных сетях. За первый же день набирала тысячу просмотров, сотни комментариев и лайков.

Про тот свой визит она тоже написала. Краб стал ее главным героем. Статью я прочитал. Славе все понравилось. Краб был свеж и пах морем, вино принесли нужной температуры, оно напомнило ей о прошлогодней поездке в Италию. Еще она рассказала про официанта. Оказывается, и в пафосных ресторанах бывают нормальные официанты, удивлялась она. И только про цветы не промолвила ни слова. Про желтые розы, которые неожиданно появились на ее столе. Официант молчал как партизан, пожимал плечами и старался смотреть в потолок. Тогда она обвела взглядом весь зал. Кроме нас двоих в ресторане больше никого и не было. Запалился, пошутил я про себя в тот момент.

За первый же день статью прочитало десять тысяч человек. Комментарии были разными. Одни хвалили, аплодировали ее стилю, говорили, что хотят сходить в этот ресторан тоже. Другие ругали. Утверждали, что она необъективна. Крабов едят только жлобы, писал один. Второй возмущался высокими ценами, третий вспоминал, что однажды ему подсунили там протухшую рыбу и всю ночь он провел в ванной. Неужели ты наконец-то взяла деньги? – изумлялся четвертый. А может быть, ты к хозяину равнодушна? – спрашивал пятый. Я написал только на третий день. Короткое «спасибо». А за ним через пару секунд восклицательный знак. А вечером зашел на ее статью снова, нажал на компьютере зачем-то знак вопроса и отправил ей.

«Идите все к черту, – ответила она недоброжелателям, – я всегда пишу правду. Если в его ресторанах меня накормят плохо, я об этом напишу тоже. Честно, как и всегда».

В тот день она впервые обманула своих подписчиков.

А два дня назад позвонила мне и назначила встречу.

Мы сидим в углу на подиуме. Это самое незаметное место. Хотя я люблю другое – в первом зале. Чтобы видеть вход и официантов. Люди приходят в ресторан отдыхать и есть. Или пить. Некоторые напиваться. Я прихожу работать. Интересная у тебя работа, – завидуют мои друзья. – Сидишь себе, ужинаешь. Сейчас передо мной мурманская треска под соусом беарнез на брюссельской капусте, перед ней – томленный цыпленок с кускусом и чатни из тыквы. На столе бутылка Амароне. Последнее время мне оно очень нравится.

– Мне пришлось изменить себе с вами, – говорит мне Слава.

Я поднимаю брови. Не понял! Что, девочки не должны звонить первыми?!

– Да нет, я о работе, – неожиданно смущается она. – Я была здесь недавно. Просто пришла. Как обычно, как я это делаю всегда. В том ресторане, где я ела краба, мне все понравилось. А в этом нет! – Она делает паузу. – Ну, вообще все. Во-первых, меня никто не встретил. В принципе я человек неизбалованный, могу сама взять меню и сесть за стол. Но у вас же не придорожное кафе. Есть же стандарты. Я села, ждала, пока ко мне кто-то подойдет. Долго, минут десять. И знаете, я понимаю, если бы зал был полон. Но нет, народу мало, а они, официантки, стоят в углу и о чем-то говорят друг с другом. Я стала махать руками, не выдержала, ау! Увидели, подошли, поздоровались, извинились. Дали меню. Я выбрала. Страшно хотела есть. Выбрала то, что вы рекомендовали. Помните, на своей странице в фейсбуке написали. Так ярко, сочно, вкусно. Вы умеете писать сочно. Я взяла. Крем-суп из зеленого горошка

с рикоттой, салат с жареной индейкой и фетучини с уткой. Потом передумала. Отказалась от салата. Вспомнила, что вы хвалили форшмак из сельди. Заказала его. Бабушка делала мне его в детстве. Потрясающе было! А у вас? Мелко нарубленные кусочки соленой рыбы, смешанные с картошкой в каком-то соусе. А потом принесли суп. Он был холодным. Я сказала об этом официантке. На ее рубашке был бейджик с именем. Лиза. Она развела руками: очень много работы. В зале сидело всего пять человек вместе со мной. Лучше бы сознаясь, что просто вышла покурить во двор, а суп все это время стоял на раздатке.

Молчу, углубившись в свою треску. Надо будет сказать нашему шефу Максиму, чтобы он не увлекался перцем. Что за мода заменять соль перцем... А она, эта Слава, похожа на свои статьи. Внимательная, въедливая. Ни одну мелочь не упустит! Может быть, еще по бокалу? Словно услышав меня, за ее спиной тут же появился официант. Незаметно киваю, и он мягко обхватывает бутылку.

– А еще меня попытались обсчитать, – дождавшись, пока официант неслышно удалится, продолжает Слава. – Я редко внимательно смотрю в счет, мне всегда кажется, что меня окружают приличные люди. Но я училась в математической школе, умею складывать цифры и примерно помню, что я заказываю и сколько это стоит. И потом, я не могла выпить целую бутылку вина, я выпила только два бокала. В счете значилась бутылка. Нет-нет, – увидев мой удивленный взгляд, замотала головой Слава, – передо мной извинились, сказали, что ошибся бармен, потом кассир, потом еще кто-то, вбили мне в счет бутылку, которую заказали за соседнем столом, а им мои два бокала, те посетители уже расплатились и ушли, и с них, разумеется, взяли меньше, и как их теперь вернуть, неизвестно, понятное дело, что я не виновата, но надо как-то выходить из ситуации. И Лиза бегала от меня к бармену, потом к менеджеру, к кассиру, а потом и вовсе исчезла, оставив счет с этой бутылкой вина на столе. Наверное, опять пошла курить. Что было делать? Я достала деньги и расплатилась. Ровно по счету, копейка в копейку, за чужое, не выпитое мной вино. Никаких чаевых! Встала и ушла. А дома решила написать. Статью, как обычно я это делаю. О еде честно. Про холодный суп, неумелую официантку, невкусный форшмак. Хотела, но не написала. Так и не понимаю, почему. И не могу объяснить это себе. Легла спать и уснула. А вчера набралась наглости и позвонила вам. Чтобы все рассказать. Ну и для интервью конечно. Хотя, вы правы, девочки не должны звонить первыми.

Молчу недолго. Форшмак здесь мне тоже не нравится. Я делаю его по древнему рецепту, объяснял мне неделю назад повар. С поварами спорить очень сложно. Они имеют свойство обижаться.

– Извините! – Что можно еще сказать?

И берусь за ножку бокала.

– Не стоит. Разные бывают накладки. К тому же, – она вдруг улыбнулась, – наверное, это был просто не мой день. Утром у меня сломалась кофемолка. Она досталась мне от бабушки. Знаете, такая, засыпаешь кофе, закрываешь крышкой, и она начинает молотить. Молола сорок лет – и сломалась. Потом мне нагнали в автобусе. Как это обычно: «Куда прешь, смотри под ноги!» – толстая тетка с двумя огромными сумками в клетку. Она вышла у центрального рынка. Я думала, таких уже не бывает, времена турецких мешочников прошли. И на работе в тот день был страшный разнос. Поставили новость в ротацию. Она оказалась непроверенная. Редактор свалила все на меня. А я-то в чем виновата?! Получила выговор, первый выговор в моей жизни. Вечером решила все это как-то пережить, прийти сюда к вам, я знаю, что в ваших ресторанах не может быть плохо, хотя бы потому, что они ваши. И вот.

Греется вино в ее руке. Преломляется свет от люстры в бокале, рубиновыми искрами рассыпается по столу. На ее щеках тоже рубиновый румянец.

Мы молчим. Оба. Она так и не ответила на тот мой вопросительный знак. А может, этот телефонный звонок и был ее ответом? Звонок, которого я меньше всего ждал.

Чертова жара. Город. Июль, под сорок. Плавится асфальт. Воскресенье. Я вынимаю из холодильника тяжелым гладким снарядом металлическую, холодную до боли в пальцах, если долго держать в руке, банку пива, ставлю на стол и открываю. Банка крикает, словно дикая утка в кустах под манок, и протяжно шипит, ш-ш-ш-ш-ш... будто от удовольствия, от ожидания, вот, наконец, и я пригодилась на ш-ш-ш-то-то, а то в холодильнике третий день, никогда так долго не залеживалась, все ждала и ждала, а ты ...ш-ш-ш-ш-ш... Чертова жара. Я пью пиво большими длинными глотками, прохлада медленно течет внутрь, вниз, охлаждая на пути своим все мое тело, потом глотки становятся меньше, меньше, еще один, еще, начинает ломить зубы, первая жажда утолена. Я вынимаю из пакета приготовленную рыбу, выстилаю газету на стол... В моих руках морской ерш, мне прислали его откуда-то с Севера, кажется, с Енисея. Хотя какой в Енисее морской ерш? Может быть, он из моря Лаптевых? Я держу в руке ерша. Ерш пахнет солью, водой и тиной. Запах переворачивает все внутри меня, мне б только дотянуться до этого вкуса... Одной рукой я держусь за одну половинку хвоста, другой за другую, тяну в разные стороны, ерш расходится пополам, немного посопротивлявшись, с треском, с хрустом, тут ведь судьба, не уплывешь, как в реке, резкими зигзагами в камыши, в траву, под корягу. И у меня уже начинают течь слюни, одну я успеваю прихватить на самом выходе с уголка губы, а где-то глубоко внутри организм принимается неистово выделять желудочный сок. И я открываю рот, и этот вкус уже рядом, он совсем близко, в нескольких сантиметрах. И тут...

И тут вдруг звонит мобильный. Руки в рыбу, возьмешь телефон, год потом будет вонять. Двумя пальцами хватаю его, незнакомый номер, кому я мог понадобиться в воскресенье? Улеглась трубка между ухом и плечом.

– Слушаю...

А оттуда:

– Здравствуйте! Меня зовут Слава. Извините за наглость... ну, за звонок в смысле. Мы с вами не знакомы лично...

Знакомы. Знакомы. Я помню тебя, Слава. Я помню твой день рождения, тебе тогда исполнилось двадцать четыре. Я помню того краба. И твою статью я тоже помню. Я прочитал ее трижды, восхищаясь твоим стилем. Не знаю, помнишь ли ты желтые розы...

– Помню!

Я трясусь головой! Что? Телефон чуть было не выскальзывает из-под моего уха, готовый упасть и разбиться.

– Я помню, что в одном из своих выступлений вы сказали, что открыты для журналистов. Что вам всегда можно позвонить и напроситься на интервью. Вот я и напрашиваюсь. Ваш телефон так просто найти. Оказалось, что он есть у нас на радиостанции. Я хочу пригласить вас в эфир. Поговорить. О вас. О вашей работе. О ресторанном бизнесе. Можно?

Можно! А можно мы встретимся заранее? Чтобы обсудить вопросы? Это спрашиваю уже я. И кажется, краснею.

– Например, в ресторане. Вечером, – и называю место.

Она странно запинаясь.

– Что? Что-то не так?

– Все так, – отвечает. – Вообще-то я там уже была.

Слава допивает свой бокал. Искорки рубинов тают в ее губах одна за другой. Еще? – спрашиваю я. Пожимает плечами. У стола с новой бутылкой материализуется официант. В подобного рода вопросах у него огромный опыт.

– Знаете, – вдруг начинает Слава, – я, наверное, с детства мечтала стать журналисткой. Телевизионной. Ну, или радиожурналистом. Это сейчас понятно, что профессия не самая востребованная. А тогда... Они держали микрофон в руках и брали интервью. У самых известных людей в мире. Другие сидели в эфире, и каждый день их видели миллионы. Я завидо-

вала этим людям. Первое свое интервью я взяла у нашего кота Кеши. Мне тогда исполнилось пять лет, я устроила маме скандал по поводу подарка и заставила пойти и поменять купленную уже очередную куклу на яркий желто-красный игрушечный микрофончик. На нем была кнопка. Нажимаешь – и он говорит: «здравствуйте», «добрый день», «всего вам наилучшего». Я бегала с микрофоном по всей квартире, мама варила суп, папа читал газету. Всем было некогда. И только Кеша спокойно лежал на диване и ничего не делал. Я подошла к нему, нажала на кнопку и спросила, нравится ли ему соседская кошка. Кеша открыл один глаз, облизал микрофон и залез под диван. Я тогда не знала, что он кастрирован и ему нравится только, когда его чешут за ухом и кормят минтаем и вареной мойвой. Вот такое у меня было первое интервью.

– Значит, первый ваш собеседник все-таки уклонился от ответа. Но вы не опустили руки и добились того, что теперь умеете разговорить даже немного, так?

Слава смеется.

– Правда, пока я узнал о вас больше, чем вы обо мне. Или это прием такой? Ноу хау? – улыбаюсь я.

– Возможно, – кокетливо покачивает головой Слава. А потом вдруг начинает говорить медленно, как будто хочет сказать что-то важное и подбирает каждое слово: – Понимаете... Я всю жизнь... Ну, та самая кошка, которая гуляет сама по себе... Вот когда пришла в тот ваш ресторан. У меня тогда ухажер был. Потом он переключился на мою подругу. Вдруг. А у меня день рождения...

Что – звать народ, слушать тосты, а самой думать, какая я несчастная? Фигушки! Пошла и заказала себе краба. Вина хорошего. Наверное, мне слишком везет, но я почти никогда никого ни о чем не просила. Все выходило как-то само собой. Хоть с той же ресторанной критикой. Меня просили, со мной искали встречи. А я сама решала, куда мне идти, о чем писать, с кем встречаться... Хотя чаще, наоборот, отказывала. А вам вот позвонила... почему-то.

– Постойте, но ведь мы же по работе встречаемся? – говорю, а сам уже не верю себе.

– Конечно, по работе. Вот я же и говорю, то есть говорила... Да ну! Запуталась. – Тут она махнула рукой и так засмеялась... доверчиво... беззащитно... не знаю. И такие вдруг ямочки появились у нее на щеках.

Снова тихонько подкрался официант – как будто все слышал! Хотя скучал где-то у колонны. Наливай, раз подошел.

– У меня с этими статьями ресторанными жизнь изменилась. На радио ведь как... просто журналистка, вопрос – ответ, новости в интернете нашла, прочитала. Или те, что редактор написал. А со статьями полная свобода. Пришел, поел, написал. Знаешь, ой, знаете, – смущается, – мне после первых пяти статей начали названивать. Ну, там хозяева всякие, директора. Намекать стали. Приходи, мол, к нам, только предупреди заранее. Сделаем в лучшем виде. Нет-нет, ничего заказывать не надо. У нас все вкусное. И платить не надо. Главное написать потом, хорошо написать. И статью показать, чтобы мы знали, что там, да как. Я всегда отвечала гордо, что я журналистка и просто пишу правду. О еде честно. Мне не верили.

А потом она рассказала мне про Армена.

Про этот ресторан я много раз слышал. Огромный, светящийся, с раскинутой чуть не на два гектара летней площадкой, он располагался у самой реки, в районе так называемого Гребного канала. Летом там всегда было оживленно, из соседних ночных клубов слетались хмельные компании, кричали, шумели, иногда дрались. Ресторан занимал первый этаж. В подвале располагалась сауна, на втором этаже – номера. Больше всего ресторан любили бандиты и менты. Различить их было не всегда просто. Они сидели хмуро, пили водку и разговаривали друг с другом. Терли, как со знанием дела шутили знатоки. Она не была там ни разу, ни до, ни после того дня. Однажды в выпуске новостей зачитала увиденное на информационной ленте: поздним вечером в пятницу произошла драка, в которой участвовало около ста человек, пятьдесят «лиц кавказской национальности» с одной стороны, пятьдесят русских

с другой. Бейсбольные биты, арматура, бутылки. Восемь погибших, более двадцати раненых. Драка произошла на летней площадке ресторана Армена. В городе объявили траур, люди приносили ко входу красные гвоздики. Эту новость прокрутили за сутки двенадцать раз. На следующий день Армен приехал в редакцию. Он вошел уверенно, невысокий, крепкий, с перебитым носом и сломанными ушами, какой-то весь мохнатый, как новогодняя елка, махнул рукой с короткими пальцами, обильно усыпанными золотыми печатками, сопровождающим его словно из девятых ладно сбитым парням – подождите, я без вас – и сел за редакционный стол, где она вместе с коллегами обсуждала, о чем они будут говорить в выпуске новостей. Сидел и молчал. Молчал до тех пор, пока в комнате они не остались вдвоем. На какую-то секунду ей стало страшно, она приготовилась сказать ему, что ее учили на журфаке говорить правду, да и вообще, что такого она сделала, новость о драке облетела все новостные ленты, и она не имела права умолчать, это ее долг, так положено. Но Армен взял ее за руку выше локтя, улыбнулся, обнажив прокуренные зубы, и произнес: «Слушай, красавица, а... ты так хорошо пишешь... приходи ко мне в ресторан, посиди, поешь, вина выпей... я тебе все самое лучшее на стол поставлю. У меня самый лучший шашлык в городе. Люля самый лучший. Хачапури самый лучший. Все вкусное у Армена. Настоящее, как там, на Кавказе, – он махнул рукой куда-то за спину, туда, где стояли его охранники. – Тебе все понравится у Армена, слово даю. Главное, напиши потом в блоге своем, так, да, это у тебя называется, что мой ресторан – это лучший в городе ресторан. Ты же умеешь, да... мне надо это, чтобы все знали, чтобы нормальные люди не боялись ходить ко мне. Напишешь?» – поднял он правую бровь и придвинулся к ней ближе.

От него пахло сигаретами и луком – это она запомнила и рассказывала со смехом. «Я заплачу тебе, сколько тебе платят за твои статьи? Десять тысяч? Двадцать? Или хочешь если, по-другому могу. Без денег. Просто приходи ко мне в ресторан всегда, всегда, когда захочешь. Позвони, и стол тебе будет накрыт. Как лучшей подруге моей. Захочешь праздник какой отметить, рубля не возьму, день рождения, например, приходи, всё Армен сделает». Она отказалась. Тогда он стал махать руками и объяснять, что он важный человек в городе.

– У меня такие связи, ты должна панымат, – передразнивает она его и спрашивает осторожно: – Вы его знаете?

– Видел когда-то. Наверное, пару раз. Никакой он не могущественный. Бывшая шпана. Больше не появлялся?

– Пока нет.

– Думаю, и не появится. Зачем? Кто хотел, те ему уже помогли. Вы ему были нужны только сразу после.

А потом я спросил: ну, хорошо, ладно, но почему все-таки рестораны? То есть я, конечно, понимаю: разные профессии у людей. Разные интересы. Интерес к вкусной еде...

– Я люблю не есть, я люблю писать о еде, – пожала она плечами. – А потом, мне нравится разбираться в предмете. А это тот предмет, в котором я научилась разбираться.

– Хорошо, – говорю, – научилась. Браво! Я без всякой иронии, пишете вы – дай бог каждому! Но все же, почему именно это – рестораны?

– Так получилось. Шампанское, наверное, – улыбается она. – Где-то на четвертом курсе журфака. Я тогда думала, какую курсовую писать. Сидели с подругой в кафешке, отмечали что-то. Она мне говорит: а чего бы тебе не взять тему, связанную с ресторанами? Будешь ходить по заведениям, нормальным, не таким, как это, есть-пить и писать. Чем не кайф? Обсуди с преподавом, говорит, есть же тема, связанная с ресторанной критикой, статьи про заведения, блюда, продвижение ресторанов и так далее. Взяли еще по бокалу, в голове шумит, весело сделалось, а что, думаю, почему нет? Наш Виктор Сергеевич ко мне неровно дышал, краснел при каждом моем появлении, тему утвердил мигом. Ну, и... Так что я еще на журфаке стала об этом писать. Когда пошла работать на радио, думала, все, придется завязывать, я же в отделе новостей. Вот как-то не завязалось...

Вон что. Значит, это у нее со студенческих лет. Она протягивает руку к бокалу, а я вдруг представляю себе, как лет эдак через много она будет вот так же сидеть за столиком, уже солидная матрона, и думать, что написать об этом блюде, о том... Да ну, так не будет! Такие девушки умеют резко менять свою жизнь. Думал ли я в свои двадцать четыре, когда пределом моих мечтаний было сводить какую-нибудь классную девчонку в бар «Юность», где в углу на диванах из искусственной кожи хмуро курили бичи, одетые летом в спортивные адидасовские костюмы, а зимой в неизменных норковых шапках, и смотрели на нас, вчерашних пацанов, угощающих на свои последние подружек алкогольным коктейлем, что я стану хозяином десятка ресторанов? Да ни в жизни! И что когда-нибудь, не завтра, но когда-нибудь точно, я брошу и это и займусь своим настоящим делом. Начну писать. Рассказы. Романы. Книги. В этом, почему-то мне показалось, мы с ней похожи.

Слава смотрит на часы:

– Мне пора. Завтра рано вставать.

– Вас проводить? – я делаю попытку подняться из-за стола.

Она останавливает меня: не надо. Я живу близко. На такси пять минут. А вы оставайтесь. Я позвоню завтра, договоримся о времени интервью. Прямой эфир. У нас на радиостанции. Вечернее шоу Славы, – она смеется, – теперь мой черед вас приглашать. Амароне не обещаю, а чаю налью. И плюшек принесу из дома. С творогом. Моя литовская бабушка научила меня делать плюшки.

– Что? – я не верю своим ушам. – Литовская? Почему литовская?

Слава машет рукой.

– Длинная история. Мои корни в Литве. Расскажу как-нибудь в другой раз. Может быть, после эфира. Спасибо. Надо идти. Был прекрасный вечер.

Встаю, помогаю Славе выбраться из-за стола. Прощаюсь как в лучших домах. Потом подзываю официанта.

– У нас есть «Швиторис»?

– Как? – не понимает он.

– «Швиторис». Литовское пиво.

Официант разводит руками. Вы же знаете, что нет.

Я киваю. Я знаю. Ее корни в Литве. Воспоминания уносят меня на Балтийское море. Может, все-таки поставить в ресторане «Швиторис»? Старинное литовское пиво. Варится с 1784 года. Мы пили его там. Вместе с Гедре. А в последнюю ночь – шампанское. Закусывая каждый глоток местной, литовской черешней. И плевали косточки в наспех свернутый кулек из найденной в номере газеты. Всю ночь. Откуда в Литве своя черешня? Это же не Молдавия и не Узбекистан. Но ее там много, мелкой, совсем мелкой, с длинными веточками, которые перепутываются между собой, словно не хотят расставаться. В Литве она продавалась на рынке, не на вес, а по объему, литровыми алюминиевыми немного мятыми стаканами... бидонами... банками, кружками... кто их разберет. Откуда в Литве черешня? Там мало солнца и много дождей. Мы высыпали ее на стол, распутывали веточки и ели, запихивая в рот сразу по несколько ягод. Черешня казалась нам удивительно вкусной, хоть и не сладкой. Впрочем, для нас это было все не слишком важным. Мы увлеклись тогда чем-то другим. Но не любовью. Будто играли друг с другом. Может, и зря. Впрочем, это все далеко в прошлом. Ты помнишь меня, Гедре? Где ты сейчас?

– Ты, мать твою, Александрас, скотина! Ты – последняя сволочь, ты – подонок! Два месяца! Два месяца я отдала тебе. И все зря! Если б я знала, знала с самого начала, кто ты, то никогда, слышишь, никогда! Зачем ты приехал?..

На этом месте я просыпаюсь. Так начинается мое утро. Последнее утро в Паланге. Последнее, потому что мне сегодня уезжать. Домой, обратно в Россию, в мой далекий древний

город на Волге. Александрас – это я. Вообще-то меня зовут по-русски – Александр. Да и сам я тоже русский. Но Гедре смотрит на все иначе. Гедре – литовка. Ей проще называть меня Александрасом. На литовский манер. В Литве в конце каждого второго слова – буква «с». У них вообще много «с», особенно в конце слов. И к мужским русским именам и фамилиям они эту «с» тоже добавляют. Стараются нас вроде как ассимилировать. Так что все Юрии у них Юргисы, а Петры соответственно Петрасы. Ну а я, стало быть, Александрас и никак иначе. Именно так могло бы быть написано в моем паспорте по-литовски. Могло? Да с чего вдруг, откуда? Если бы у меня был литовский паспорт. Если бы я жил в Литве. Если бы да кабы...

Эфир пролетел незаметно.

– Больше получаса нельзя, – предупредила меня Слава, – во-первых, тайминг, мы жестко ограничены Москвой по времени врезок, а во-вторых, тридцать минут – это максимум, который выдерживает слушатель. Мы же не телевизор. У нас нет картинки. В городе двадцать пять радиостанций, надоела одна, сразу переключаются на другую. И если кто-то долго бубнит в эфире, это беда. На радио надо весело разговаривать. Это же вечернее шоу, а не выступление министра на заседании правительства. Нет-нет, у вас все нормально было. Живенько. Особенно там, где вы говорили про литературу. Про ваше увлечение.

Мы сидим в небольшом редакционном кабинете. День клонится к вечеру. За окном воробей упрямо долбит по подоконнику, подбирая присохшие крошки хлеба, рассыпанные доброй рукой. На столе чай. И плюшки. Те самые, по рецепту ее литовской бабушки.

– Почему литература? – спрашивает меня Слава. – Для современного взрослого человека это очень необычное увлечение. Говорят, что в советское время наша страна была самой читающей в мире – но ведь читающей! А не пишущей! Я нашла в сети несколько ваших рассказов. Они заставляют думать. Правда. Но вообще это необычно, что взрослый мужчина, достигший определенного положения, занимающийся бизнесом, вдруг начинает писать рассказы, публиковаться, издавать свои книги. Почему литература? Почему не живопись? Почему, в конце концов, не коллекционирование? Марки, значки. Оружие...

У людей вашего круга модно собирать оружие. Признак силы и могущества.

Она наливает мне вторую чашку. Плюшки у нее вкусные. Мягкие, с легким запахом ванили.

– Марки и значки я собирал в детстве. Значки до сих пор остались. А марки куда-то исчезли. Жалко. Наверное, при переезде со старой квартиры. Я тогда учился в школе. Квартира, кстати, была во дворе сразу за Ленинской библиотекой. Может поэтому я литературу и полюбил. Слишком много вокруг флюидов. Выходишь вечером во двор погонять мяч, а там, в библиотеке, окна горят, а за ними люди. Сидят, уткнулись носом в книги, что-то выписывают. Даже как-то неудобно в футбол играть. Мы один раз окно мячом разбили. Крику было! Мою бабушку чуть не уволили. Бабушка работала в той самой библиотеке. В подвале, в архиве. Длинные холодные комнаты, на стенах термометры, нужно держать специальную температуру и влажность, чтобы книги не портились. Бесконечные стеллажи. И на них тысячи томов, десятки тысяч. И в углу бабушкин стол с зеленой лампой. Бабушка выдавала читателям книги из архива. Те, которые берут редко и которые нельзя уносить с собой. Люди приходили в библиотеку и заказывали то, что им нужно. Заказ поступал к бабушке. Она открывала тетрадку и искала. Ряд, стеллаж, полка. Потом аккуратно перетаскивала в нужное место качающуюся стремянку и осторожно поднималась по ней. Находила книгу и отдавала наверх в зал. В свободное время бабушка сидела за своим столиком с лампой и читала. Ежегодно в библиотеке обновлялись книги. Они же ветшают. Особенно классики. Их берут часто. Приезжали какие-то люди, грузили все в грузовик и сдавали в макулатуру. Говорят, что библиотека получала за это деньги. Сколько-то копеек за килограмм. Однажды бабушка подошла к заведующей

и попросила для себя полное собрание сочинений Тургенева. Книги ждали в углу, перевязанные бечевкой. Заведующая пожала плечами, вынула из стола весы, знаешь, такие с крючком, на них на рынке вешают картошку, и подцепила ими стопку. В тот вечер книги оказались в нашей квартире. Собственно, так все и началось.

– А потом уже мама. Она преподавала в университете. Странный предмет такой – политическая экономия. С упором на первое слово. Предмет о том, что в СССР жить лучше, чем на Западе. СССР помер, не согласившись с учением, и мама стала преподавать на курсах менеджмент и маркетинг. На курсы пошли бывшие «красные директора» и «новые русские». Всем им было некогда учиться. Нужно было зарабатывать, время такое. На курсы ходил директор «Подписных изданий». Я его до сих пор помню. Веселый, с шейным платком, в блестящем костюме. Как Миронов из «Бриллиантовой руки». Директор оказался двоечником. Но мама ставила ему тройки. А иногда четверки. Директор благодарил ее книгами.

– Взятки Толстым и Пушкиным? – весело поднимает брови Слава.

– Ну... – тяну я, – похоже, что нет. Мама мне давала деньги, и я бегал в этот магазин. Тогда книг-то хороших в магазинах в свободной продаже не было, ерунда какая-то. А Толстой и Пушкин только по блату. Больше всего папа переживал. Покупал новые полки и вешал их на стену. Мы тогда переехали. Панельный дом. Чтобы просверлить дырку в стене, надо было сильно намучиться. Да что я все о себе?

Мы сидим и пьем чай. Я не могу пить черный. Он горчит и сводит желудок. Только иван-чай. Или на худой конец зеленый. Лучше всего молочный улун. Но это дома. Здесь, на радио, все банально. «Greenfield» в пакетах. У Славы стройные ноги, туго обтянутые светлыми чулками. Я засматриваюсь.

– Я тоже литературу с детства любила. У нас учительница в школе была отличная. Однажды, помню, весна, май, учиться не хочется. И урок по внеклассному чтению – последний. На улице солнце, градусов двадцать. Она нам – пойдемте в парк, стихи читать. За школой парк небольшой, там когда-то яблони посадили. И мы пошли. Сидим на траве. Вокруг цветет все. Запах... – Слава жмурится. – И читаем Шекспира. «Ромео и Джульетта».

Три часа сидели почти.

– Я все хочу спросить про Литву, – вспоминаю.

Машет рукой. Да что здесь рассказывать. Прадедущка был каким-то начальником, производственным начальником. Он был партийным. Здесь жил, в нашем городе. После войны его вызвали в обком, сказали – собирайся, мол, Литва наша теперь. Там производство поднимать надо. Какой-то завод. Я уже не помню. Отправили в Каунас. Сразу дали квартиру, хорошую, в центре. Бабушка рассказывала потом, со слов прадеда, что в квартире и мебель была, и одежда. А у порога валялся плюшевый зайчик. Прадед больше всего его запомнил. От прежних жильцов все осталось – их в Сибирь выслали – перед войной. Вроде как враги народа. В квартире пять лет никто не жил. Прадед холостой был. На заводе стал работать, там со своей будущей женой познакомился. Литовкой. Через год у них родилась дочка – бабушка моя. Ее прадед Женей звал, а прабабушка Габией. И разговаривали с ней на двух языках. А через двадцать лет бабушка за дедушку замуж вышла. Они в одном классе учились. Дедушка русский. И у них родилась моя мама. Ну, а еще через двадцать пять лет у мамы, соответственно, и я. Только я уже здесь родилась. Прадедущка и прабабушка уже умерли. Мама только-только забеременела, не знал еще никто. А бабушка в школе русский язык преподавала. Ее вызвали к директору, он бумагу из стола вынул, ручку дал, глаза отвел в сторону, пишите, говорит, заявление по собственному. Не будет больше вашего предмета в нашей стране. Литва теперь самостоятельное государство. Русский никому не нужен. Бабушка написала. А что ей оставалось делать? Удалось квартиру продать тогда, переехать. Туда, где прадед когда-то родился. А почему вы спрашиваете? Ну, Литва, что здесь такого? Мало ли стран в мире.

Я подхожу к окну. Испуганный воробей вспархивает с подоконника и, нахохлившись, усаживается на ветке неподалеку. На улице темнеет. Иссякает поток машин. Наступает вечер. Пора расходиться.

– Я пишу роман. Роман о Литве. О войне, о переселении литовцев в Сибирь. И о своих воспоминаниях. О Вильнюсе, Каунасе, Паланге. О Куршской косе, дюнах, Балтийском море. О девушках, которых мне доводилось встречать там. Осталось совсем немного. Роман почти готов.

Мы выходим на улицу. Зажигаются фонари. Жара спала.

– Ты дашь мне почитать свой роман? – спрашивает Слава.

Я киваю. И прижимаю ее к себе.

Когда мы успели перейти на ты?!

Я открываю глаза и пытаюсь привыкнуть к серому полумраку, заполняющему наш номер. Часы над дверью показывают пять. Пять утра – сквозь нежелающий уходить сон посылают они мне свои сигналы. За окном только начинает светать.

– Ты слышишь меня? Эй! Или ты все еще спишь? – Гедре толкает меня в бок. – Ты самая настоящая сволочь. А еще... а еще... – я чувствую, что она мучительно подбирает, вспоминает, ищет какое-то непривычное или даже совсем незнакомое ей русское слово, немного медлит, чтобы не ошибиться в его произношении. Что? Давай, давай. Я ощущаю, как набирает она воздух в свои девичьи маленькие легкие размером с кулак, с два кулака... готовится, медлит еще, как перед прыжком на тарзанке, страшно, ой, и наконец-то на выдохе с каким-то голосовым замахом, как будто так натужно... эххх... с плеча словно... вразмашку... с надрывом... даже голос ее словно чужой... произносит то, к чему готовилась так долго, целую минуту, а может, ночь, день весь, а то и все два месяца нашего знакомства с ней, и все равно получается как-то нерешительно, с испугом что ли, не знаю, это чувствуется в голосе, а вдруг неправа, неправа, неправа, это точно, а вдруг вообще слова такие первый раз, – ты этот... как у вас там по-русски... ну в общем, ты... ты – голубой, вот.

Тут я просыпаюсь уже во второй раз, теперь кажется, что окончательно.

Гедре сидит на краю кровати и поливает русский коричневый, с палевыми прожилками, а-ля орех, сделанный «под паркет» линолеум крупными литовскими слезами. Кровать из двух отдельных, одноместных, сдвинута – и все равно щель посередине, трещина, как жизнь, как река, не перепрыгнуть, не переплыть... Дзиньк-дзиньк, хлопают слезы на пол, пытаюсь посоревноваться с дождем, идущим за окном, по интенсивности. Куда там! Он сильнее. Этот дождь, вечный литовский дождь. Дзиньк.... В латышском есть такое красивое слово – «дзинтари», оно означает «янтарь». Мы в Литве, не в Латвии, она немного северней. Северней и холодней. Слезы Гедре прозрачны, как янтарь, и солены, как Балтийское море. Море по-литовски «jūra»... Тоже красиво.

– Labas rytas, – отвечаю я Гедре, зевая. Отвечаю на языке Чюрлениса, Саломеи Нерис и Донатаса Баниониса. – Labas rytas, милая.

Чюрленис – музыкант и художник, Саломея Нерис – поэтесса, Банионис – артист. Они – национальное достояние Литвы. Это для тех, кто не знает. Я смотрю на Славу. В свои двадцать четыре она может и не знать Баниониса, он играл в советских фильмах иностранцев. Помните католического священника из «Берегись автомобиля», того, что расплачивался за краденую «Волгу»... по рублю. – Будете пересчитывать? – спросил он героя Иннокентия Смоктуновского. – Буду! – ответил Юрий Деточкин. – Пять тысяч сто девяносто один, пять тысяч сто девяносто два...

Слава читает мой роман. Точнее, мы читаем его вместе. И обсуждаем. Я его практически уже дописал и отправил ей по электронке. Слава читает и разговаривает. Разговаривает

со мной. О романе. О Литве. Нам есть о чем поговорить. Теперь мы видимся часто. Почти каждый день. Я хочу видеть эту девушку каждый день. Похоже, что и она меня тоже.

– Скотина! – слышу я в ответ. Не от Славы, конечно, от Гедре. Слава бы произнесла это намного элегантней. С литовским акцентом «скотина» звучит жестче. И больше по-московски. «О» уступает «А». Протяжно. СкАтИИна... вот примерно так... вначале верхнее «А», а вторым слогом «И», и при этом чуть длиннее, чем обычно. – Скотина, сволочь, голубой, – кричит она на весь номер, на всю Палангу, Литву, мир, вселенную, – голубой...

Я отрываю голову от подушки и сажусь рядом с ней, пытаюсь обнять ее плечи. Она встряхивается, словно дикая кобылица, – уйди, не надо, – стремясь сбросить мою руку. Отстань, лишнее...

– Почему «голубой» компьютерный редактор подчеркивает красным?

Это же слово написано без ошибок, – то ли спрашиваю я Славу, то ли утверждаю, – или, может, компьютер стесняется? – Теперь точно спрашиваю. – Зеленый не подчеркивает, синий тоже. Коричневый! Подчеркивает только голубой! Слово как слово, ведь небо голубое, вода в море... цвет мира, добра. И «голубоватый» не подчеркивает. А чем голубой от голубоватого отличается? Только степенью насыщенности. На чем основывается такая цветовая дискриминация?

Мы идем с ней по улице. Это моя любимая улица. На ней пять наших ресторанов. Моих и моих партнеров. У Славы журналистское образование, не филологическое. Слава не знает ответа. Стоит, наверное, обсудить эту тему в прямом эфире. В вечернем шоу Славы. В Голландии разрешены однополые браки. В России нет. Это внушает оптимизм. А раз так, зачем обсуждать. Пусть текстовый редактор подчеркивает. Может быть, это ошибка программистов. Американских служащих Билла Гейтса. У них есть цветовые предпочтения. Это они ввели слово «негр» в число нежелательных. Это американское слово их же американский Word подчеркивает тоже. Почему? Потому что оно неpolitкорректно. В США нет негров. Там есть только афро-американцы. Попробуйте произнести «негр» где-нибудь в Бруклине. Попробуйте, только напишите сперва завещание и отдайте его вашей супруге. Или детям. И попрощайтесь с ними. В Америке нет негров, ни одного нет. Вот и голубых там тоже, может, нет. Там есть только... Молчать, поручик!

Сквозь незадернутые занавески в окно нашего номера входит рассвет. Входит медленно, аккуратно, словно боясь разбудить. Мелкий дождь успокаивающе барабанит по карнизу. Дождь в Прибалтике на правах хозяина. Трррррррррррррррр. Как тысяча негритянских там-тамов. Да, да, я забыл, афро-американских. Тихо-тихо, чуть слышно. Где она, та граница между шумом, который будит, и шумом, который усыпляет? Трррррррррррррррр... Снова хочется спать. Эта погода будто создана для того, чтобы спать, спать, спать... уноситься из бытия вместе с ветром. Шумят высокие корабельные сосны, их качает ветер. Он прилетает с моря, приносит оттуда запах волн, соли и крики чаек. Пахнет ли соль? Пахнет. Морем. Я слышу эти крики и чувствую этот запах. Здесь всегда так... море, ветер, моросящий дождь и солнце. Иногда наоборот. Балтийская погода ветрена и непостоянна.

Из нашего окна виден пляж. Еще очень рано, и там нет ни одного человека. На флагштоке рвется высоко поднятый красный флажок – купаться сегодня запрещено. Волны облизывают берег, выбрасывая на него тысячи маленьких янтарных слезинок. Через несколько часов на берег выйдут люди, чтобы собирать их в память о Литве.

Предание гласит, что когда-то на дне Балтийского моря в огромном янтарном дворце жила богиня Юрате, не знавшая земной любви. Однажды она заметила, что в ее владениях становится меньше рыбы. Оказалось, что неподалеку ловил рыбу молодой рыбак Каститис.

Расстроилась Юрате и послала русалок предупредить его о том, чтобы не мутил он здешние воды, не распугивал ее рыбу. Однако упорный юноша продолжал закидывать сети в море. Тогда Юрате решила подглядеть, что же это за парень, который не боится гнева богини. Увидела она Каститиса и сразу влюбилась в него. Влюбилась за смелость, за красоту, за трудолюбие. Много ли надо женщине, даже если она богиня. Так влюбилась, что однажды не выдержала и заманила Каститиса в свою пучину, в свой янтарный замок. Узнал об этом царь богов Пяркунас и, рассвирепев, молниями и громом разрушил замок. Не должны боги жить вместе с простыми смертными. Погиб Каститис, а Юрате за грешную человеческую любовь в наказание была прикована цепями к развалинам замка. Навсегда. Боги, увы, бессмертны. И сегодня изо дня в день несчастная богиня не перестает тосковать о своем любимом. Ее рыдания порой штормят море, а после того, как оно успокоится, люди находят на берегу маленькие капельки янтаря – слезы Юрате. Сегодня на море шторм, значит, Юрате плачет, плачет, вспоминая Каститиса.

Плачет и Гедре. Только ее никто не приковывал к развалинам замка. Она сидит на краю нашей кровати. Слезы ее капельками янтаря падают из глаз. Плечи Гедре чуть заметно дрожат. Они ходят вверх-вниз, вверх-вниз... мелко-мелко. Я прислушиваюсь. Я чем-то ее обидел. Гедре?

– Красивое имя у девушки, – шепчет Слава. – Красивое. Гедре! Никогда раньше не слышала. Что оно означает?

– Для нас, русских людей, все литовские имена красивые. Необычные. Гедре в переводе означает – безмятежная. Это одно из самых старинных литовских имен.

Мы гуляем по набережной. Мимо нас на роликах проносятся девушки в коротких шортах и велосипедисты в разноцветных шлемах. Слава – имя славянское. Означает атрибут и принадлежность Бога. Вот как! Все это я прочитаю уже позже, дома, в интернете.

– Labas rytas, Гедре, – снова повторяю я. Через три часа мой самолет. Домой. Я улетаю. В Россию. Может быть, мы никогда не увидимся. Или увидимся, но это будет уже в другой жизни. – Labas rytas, милая!

– Rytas по-литовски утро, labas – доброе, – объясняю я Славе.

Слава кивает. Кроме русского она знает еще и английский. На ее столе в редакции я видел открытый на сто пятьдесят восьмой странице роман великого ирландского писателя Джеймса Джойса «Улисс» на языке оригинала. Всего в романе почти тысяча страниц. Он признан лучшим романом в мире. Я дважды пытался прочесть его на русском. Первый раз дочитал до пятидесятой страницы, второй раз до сотой. Больше не смог. Надо попытаться еще, бог троюродно любит. Ведь сумел же я с третьего захода осилить Фолкнера, а тот тоже не сдавался.

Гедре поворачивается в мою сторону, и я вижу ее лицо. В слезах, все лицо в слезах. Гедре – не красавица. В этом надо признаться честно. Невысока – рост примерно сто шестьдесят сантиметров, может быть, чуть больше, осветленные волосы, неправильный прикус, тяжелая челюсть, много лишнего веса, слишком много. Гедре тяжеловата. Ей бы надо заняться спортом. Бегать по утрам, крутить обруч вокруг талии. Гедре всего восемнадцать. Так она сказала два месяца назад, в день нашего знакомства. Мне самому на год больше. Мне не нравится Гедре. Она не в моем вкусе. Я люблю высоких женщин. От ста семидесяти. Лучше ста семидесяти пяти. И весом не более пятидесяти пяти килограммов. Худых и стройных. И ничего не могу с собой поделать. Чехони какие-то все вокруг тебя, скажет мне мой товарищ через много лет. Я соглашусь. Что тут ответить, когда он абсолютно прав.

– Зря ты о девушке так... не красавица, – рвет мои мысли Слава. – О женщинах так нельзя. Ты что, не знаешь, как болезненно мы реагируем на замечания о своей внешности? Надо писать – эээ... – она задумывается, – ну, например, женщина с нестандартной внешностью... это про челюсть если и прикус или... вот, да, рубенсовская женщина, это когда женщина в теле... ну, в общем, надо здесь подправить будет, поиграть словами. Я бы здесь на твоём месте подредактировала.

Я молчу. От моего молчания Слава вдруг краснеет. Славе идет румянец на щеках. С ним она нравится мне еще больше.

– Сволочь, – шепчет Гедре с акцентом, я почти читаю это слово по губам, – сволочь, скотина, обманщик.

Можно ли по губам угадать акцент, задумываюсь я. Американцы на русском немного картавят, добавляя в «русский» русский каплю эмигрантской крови, немцы рубят топором наши отечественные слова, обиженные поражением в давно прошедшей войне, итальянцы добавляют в них горячее южное солнце. Афро-американцы говорят по-русски смачно, округло, словно тщательно пережевывая фруктовую жевательную резинку. А если не слышишь голоса, если видишь лишь губы... Как тогда? Можно ли отличить финна от чеха? француза от испанца? серба от итальянца? Наверное, можно, но только специалисту.

Вчера мы отмечали окончание нашего знакомства. Или мой предстоящий отъезд. Двухмесячное знакомство. Прощальный вечер, плавно перешедший в ночь. Кажется, мы уснули далеко за полночь. Мой самолет через три часа. Нет, уже через два и пятьдесят пять минут. Я не был в своём городе два месяца. Надо вставать и одеваться. А еще душ, почистить зубы, побриться. Побриться? Не обязательно. Побреюсь дома, когда прилечу.

– Голубой, голубой, – почти кричит Гедре, и наконец-то второй смысл этого русского слова окончательно доходит до меня, и я спрашиваю ее вначале по-литовски: – Kodel? – Потом уж по-русски: – Почему? Почему голубой?

Год назад я пообещал себе выучить литовский язык. Обещание выполнил. Нет, конечно, я знаю его не в совершенстве, мой словарный запас крайне беден, при чтении не получается обойтись без словаря, да и вообще, если честно признаться, я понимаю процентов тридцать литовской немного угловатой речи. Но тем не менее я могу говорить, я понимаю, пусть не все, но понимаю. Зачем я учил его? Почему? Так было надо. Год назад у меня в Вильнюсе была девушка. Звали ее Соната. Я любил ее. Нет, я не ошибся – именно Соната. Но о Сонате позже. А о Гедре сейчас. Гедре я не люблю. Так получилось.

– Почему? – спрашиваю я ее по-русски, но с литовским акцентом. – Почему голубой? Чертов акцент.

– Тебе еще надо что-то объяснять, – зло произносит Гедре, и плечи ее перестают дрожать, – а сам ты не хочешь подумать? И вспомнить кое-что.

Вспомнить. Что же, попробуем вспомнить. И я начинаю думать... Думать и вспоминать. Мне это свойственно. Я люблю думать.

– Вот тут хорошо! – одобрительно произносит Слава. Она уже пришла в себя от смущения, осталось только чуть-чуть розового на щеках. – Красивый переход. Сильный. Переход из одного времени в другое. Нас этому специально учили. Журналистам же это тоже нужно.

– Я физик по образованию, – объясняю я Славе, – кандидат физико-математических наук, закончил университет по специальности «радиофизика». Моя диссертация называлась «Коллективные эффекты в многофазных средах». Многофазные среды – это, к примеру, пыль или любые другие мелкие частички, взвешенные в воздухе. Как в облаке или тумане. Только там капли. Мелкие капли, совсем мелкие. Мельчайшие. Они ничего не весят. Тысячные доли грамма. Потому и не падают. Оказывается, если громко крикнуть в этот туман, то частицы

начинают сталкиваться друг с другом, слипаться, становиться больше, тяжелее и в итоге падают на землю. Получается дождь. Но главное не в дожде, главное, что туман рассеивается. Только надо кричать на особой частоте. Эту частоту не слышно ухом. Человек не может сгенерировать такую частоту, на это способен только специальный прибор. А жаль, правда? – смотрю я на Славу, – как было бы здорово: вышел на улицу, посмотрел на небо, там облако, крикнул – и сразу дождь. Об этом моя диссертация. Я объяснил в ней механизмы рассеивания тумана с помощью акустических волн. Я теоретик, написал много формул и подставил в них разные значения. Но у моей работы есть практическое применение. Иногда в аэропортах возникает ситуация, когда нельзя ждать, чтобы туман рассеялся естественным путем. Нужно разгонять. Тогда используют акустические приборы. Мы их не слышим. Но разгоняют они туман по моим формулам. Во всяком случае мне так хочется думать. А про литературные приемы мне ничего не известно. Этим приемам меня никто не учил, к сожалению.

Слава смотрит на меня с восхищением. Давно я не видел таких взглядов. У меня правда хорошая кандидатская. Я защитил ее в двадцатилетнем возрасте. Первый на курсе. А еще я автор десяти научных работ. Одна из них даже опубликована за границей. В иностранном журнале на английском языке. Я ею горжусь особо. Она называется «Акустический лазер». О ней есть даже информация в Википедии. Вроде как новое слово в науке. Приятно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.